

Ю.Г. ЧЕРНЫШОВ*

ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ (К ИТОГАМ ДИСКУССИИ)

Аннотация. В статье обобщены основные результаты недавней дискуссии по вопросу о том, как взаимосвязаны национальные идентичности и национальные варианты политики памяти в отношении глобальных исторических событий XX в. Данная дискуссия проходила с 1 апреля по 30 июня 2020 г. в рамках ежегодной интернет-конференции Алтайской школы политических исследований. Во введении к статье приведен краткий обзор основных направлений уже существующих исследований по данной тематике в отечественной и зарубежной литературе. Характеризуется содержание поступивших на интернет-конференцию 30 докладов, в которых рассматривается осмысление событий, оставивших глубокий след в общественном сознании (мировые войны, революции, распад империй и многонациональных государств, процессы деколонизации, «холодная война» и т.д.). Для конкретного анализа выбраны доклады, наиболее близкие к избранной теме. Они разделены на три смысловых блока: 1) Идентичности и осмысление прошлого в условиях пандемии; 2) Постколониальные идентичности и «проработка прошлого»; 3) Травма геноцида: идентичности «преступников» и «жертв». Анализ показывает, что осмысление и «историческое освоение» ряда событий еще далеко не завершено. Во многих странах «политика памяти» в отношении важнейших исторических событий и символов используется при конструировании национальных идентичностей, при легитимации важнейших шагов во внутренней и внешней политике. Вместе с тем сформировавшаяся национальная идентичность может существенно влиять на проводимую в стране политику памяти. Поэтому дальнейшее сравнительное изучение используемых в мире вариантов «политики памяти», связанных с формированием идентичностей, является актуальной научной задачей.

* **Чернышов Юрий Георгиевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; директор, Алтайская школа политических исследований (Барнаул, Россия), e-mail: ashpi@ya.ru

Ключевые слова: политика памяти; национальная идентичность; коллективная память; интерпретации истории; историческая политика; геноцид; колониализм; пандемия; травматическое прошлое.

Для цитирования: Чернышов Ю.Г. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 111–127. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.06>

Введение

В последние десятилетия темы, связанные с политикой памяти и формированием идентичностей, довольно часто привлекали внимание и отечественных, и зарубежных исследователей. Этот интерес, несомненно, связан с трансформациями, происходящими в современном глобализированном мире. XX век был насыщен событиями, не только оказавшими фундаментальное влияние на ход мировой истории, но и оставившими глубокий след в общественном сознании (мировые войны, революции, массовые репрессии, распад империй и многонациональных государств, процессы деколонизации, «холодная война» и т.д.). Осмысление и «историческое освоение» этих событий еще не завершено. Во многих странах «политика памяти» в отношении важнейших исторических событий и символов используется при формировании национальных идентичностей, при легитимации важнейших шагов во внутренней и внешней политике. Поэтому важно проводить сравнительно-историческое изучение используемых в мире вариантов «политики памяти», связанных с формированием идентичностей. В данной статье предпринимается попытка обобщить (с учетом общего историографического фона) основные результаты недавней дискуссии, прошедшей в рамках интернет-конференции в апреле – июне 2020 г.

Если пытаться вкратце охарактеризовать степень изученности темы, можно отметить разноплановость встречающихся в литературе подходов, что констатируют авторы уже существующих обзоров (см., например: [Джонсон, Малинова, 2020; Ефременко, Малинова, Миллер, 2018; Методологические вопросы ..., 2018; Семенов, 2018; Сыров, Головашина, Линченко, 2016]). Основную массу работ при этом составляют конкретные case-studies, характеризующие «политику памяти» отдельных стран (преимущественно в русле конструктивизма) или интерпретации в рамках «политики памяти» отдельных исторических символов и событий.

В литературе уже сложились определенные приоритетные направления: от осмысления и «проработки» трагического опыта нацистской Германии и Холокоста (см., например: [Forest, Johnson, Till, 2004; Coakley, 2007; Hartman, Assmann, 2012]) до постколониального развития стран Азии и Африки (см., например: [Ranger, 2012; Давидсон, Филатова, 2009]), постсоциалистического транзита в странах Восточной Европы (см., например: [The politics of memory in postwar Europe, 2006; Mälksoo, 2009; Nijakowski, 2008; Миллер, 2016]), «войн памяти» в республиках, входивших в СССР (см., например: [Smith, 2002; Бордюгов, 2011; Копосов, 2011; Политика памяти в современной России ..., 2020; Тимофеев, 2010]), и т.д. При этом пока все еще мало научных исследований, в которых данные явления рассматриваются на широком фоне, с учетом международного опыта и в комплексе с такими «сопредельными» темами, как, например, имидж страны и национально-государственные идентичности.

Отдельно стоит отметить работы, в которых политика памяти и интерпретации прошлого рассматриваются в непосредственной связи с проблематикой идентичности. Вопрос «Кто мы?» всегда, еще с глубокой древности, приводил человеческие сообщества к поискам ответов в нарративах собственной истории, в ее символах и в значимых событиях. Данная тема достаточно широко освещена в зарубежной литературе (см., например: [Anderson, 2006; Erikson, 1968; Hobsbaum, 2012]). В последнее время появились интересные обобщающие исследования и отечественных ученых (см., например: [Евгеньева, Селезнева, 2016; Ефременко, 2018; Зевако, 2019; Малинова, 2015; Семененко, 2017; Тимофеев, 2010; Титов, 2017]). Все больше публикуется серьезных работ не только по России, но и по зарубежным странам (см., например: [Игнатович, 2019; Фадеева, Плотников, 2017]), что создает базу для проведения масштабных сравнительных исследований.

В целом сложившееся в литературе разграничение форм репрезентации прошлого (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) исходит из того, что все они являются важным способом самопознания общества, определяющего свою идентичность через осмысление истории [Репина, 2013]. Разумеется, практически всякая «национальная» историография испытывает на себе в той или иной степени влияние пропаганды и «войн памяти», однако вместе с тем

многие ученые считают необходимым объективное изучение данных процессов, осмысление их во всей сложности и противоречивости.

Общая характеристика дискуссии

Дискуссия, об основных итогах которой будет сказано далее, проходила в формате интернет-конференции с 1 апреля по 30 июня 2020 г. Такие интернет-конференции проводятся Алтайской школой политических исследований (АШПИ) ежегодно с 2002 г. при поддержке Алтайского государственного университета (кафедра всеобщей истории и международных отношений (ВИМО)) и Российской ассоциации политической науки (РАПН). На предыдущих конференциях также затрагивались близкие темы. Так, например, обсуждались темы «Национальная, региональная идентичность и международные отношения» (2005), «Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения» (2010), «Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях» (2017)¹. Результаты рассмотрения проблем идентичности на конференциях АШПИ были обобщены в специальной статье [Козулин, Чернышов, 2014]. В 2019 г. конференция была посвящена теме «Политика памяти и формирование международного имиджа страны» (см.: [Дневник ..., 2019]). Поэтому интернет-конференция 2020 г. («Глобальные исторические события XX в. и национальные варианты политики памяти») стала логическим продолжением предыдущих обсуждений.

На данную конференцию поступило 30 докладов². Среди авторов есть зарубежные ученые – из Канады (г. Торонто), Республики Армения (г. Ереван) и Республики Казахстан (г. Нур-Султан, г. Усть-Каменогорск); российские города представлены Барнаулом, Москвой, Нижним Новгородом, Омском, Пермью, Санкт-Петербургом, Саранском, Томском и Улан-Удэ.

¹ С полным перечнем тем конференций АШПИ и с их материалами, опубликованными в серийном издании [Дневник Алтайской школы политических исследований ..., 2019], можно ознакомиться на сайте: Режим доступа: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=819 (дата посещения: 20.08.2020).

² Тексты всех докладов можно посмотреть, пройдя по ссылке: Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18221> (дата посещения: 20.08.2020).

Интересные сюжеты и оригинальные подходы есть во многих поступивших докладах, причем некоторые из авторов рассматривают общетеоретические проблемы (Н.А. Коровникова, В.В. Миронов, И.С. Семенов и др.). Представлены также самые разнообразные в географическом плане экскурсии: по Армении (Г.П. Григорян, Республика Армения), Африке (О.А. Богатова, А.В. Митрофанова), Беларуси (Е.А. Бикетова), Великобритании (О.А. Аршинцева, Н.Ю. Самойлов, П.В. Ульянов), Венгрии (А.М. Бетмакаев), Гонконгу (Г.З. Папашвили), Греции (К.А. Чураков), Европейскому союзу (Е.В. Хахалкина), Израилю (В.П. Румянцев), Индии (О.Ю. Курныкин), исламскому миру (С.В. Голунов), Сербии (А.М. Савоськин), США (И.И. Курилла), Турции (С.Д. Кленова, Ю.Г. Чернышов), Франции (Н.С. Малышева, В.Р. Филиппов, Е.И. Филиппова) и другим странам и регионам.

Отечественная политика памяти также анализируется в разных аспектах – например, через обращение к интерпретации различных исторических явлений и событий, таких как политический терроризм в Российской империи (Т. Рокки, Канада) и конец царизма (В.Н. Козулин), а также гражданская война на Алтае и японская интервенция на Дальнем Востоке (Н. В. Дьяченко, А.В. Михалев), Карибский кризис (В.Е. Дергачева, Ю.Г. Чернышов), вспышка холеры в СССР в 1970 г. (В.А. Смирнова) и др. Рассмотрены также и конкретные практики продвижения политики памяти с помощью школьных учебников по истории (А.Б. Суслов, Е.В. Шуйская), с помощью политики региональных элит на примере Нижнего Новгорода (М.А. Казаков, М.С. Лысцев, М.С. Северова). По ряду докладов произошел обмен мнениями в комментариях (их тоже можно посмотреть на сайте).

Это разнообразие сюжетов дает хороший материал для сравнений и обобщений. Учитывая ограниченность объема данной статьи, мы остановимся лишь на некоторых докладах, наиболее близких к рассматриваемой проблематике и образовавших три основных «смысловых блока», связанных с темами пандемии, деколонизации и геноцида.

Идентичности и осмысление прошлого в условиях пандемии

Самый новый, пожалуй, из глобальных вызовов, последствия которых еще не до конца изучены, – эпидемия коронавируса,

вспыхнувшая в китайском городе Ухань в декабре 2019 г. и за несколько месяцев охватившая практически все страны мира. Какие подвижки в общественном сознании, в интерпретациях прошлого и в идентичностях актуализировала пандемия? Эта тема была затронута в трех докладах.

Известный специалист по проблемам идентичности, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН И.С. Семененко представила доклад на тему «Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры». Новизна подходов проявилась здесь, в частности, в том, что автор проанализировала новые приоритеты политики памяти и те трудности, которые встают перед Европейским союзом в условиях кризиса, связанного с распространением пандемии COVID-19. Первой реакцией многих стран стало закрытие границ и сокращение контактов даже с соседями по ЕС, что стало еще одним серьезным испытанием для европейской идентичности и перспектив евроинтеграции. Среди традиционных проблем сохраняется и «разделенная память». В связи с этим в ЕС сейчас поддерживаются проекты, направленные на «общую память»: школьные исследовательские проекты, посвященные местной истории как части общеевропейской истории, «Исторический Эразмус» для взрослых, сетевая платформа EUROPEANA, Дом европейской истории (House of European History) и т.д. Для преодоления накопившихся проблем, справедливо отмечает автор, необходима ответственная неконфронтационная политика памяти, ищущая пути диалога, причем ведущую роль в проведении такой политики в ближайшее время будут играть национальные государства.

Как связаны с пандемией происходящие сейчас изменения в общественном сознании и, в частности, процессы актуализации исторических примеров борьбы с подобными вызовами? Этот вопрос рассматривает кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН Н.А. Коровникова («Политика памяти в (пост)пандемическом контексте»). Новые вызовы ведут к регенерации базовых элементов исторической памяти, обращения и к наднациональному, глобальному измерению политики памяти. Пандемия напомнила об угрозах, которые могут иметь не локальные, а общемировые масштабы. При этом, считает автор, в современных условиях цифровизации мирового пространства следует

учитывать опасность распространения не только физиологических, но и ментальных «вирусов» (психоэмоциональные девиантные состояния индивидуального и массового сознания), которые могут подрывать ментальный «иммунитет» и сложившиеся идентичности в обществе.

Еще в одном докладе рассматривается конкретный исторический опыт борьбы с эпидемией: «Воспоминания о вспышке холеры в СССР в 1970 г.: свидетельства советской эпохи и нарративы эры COVID-19». Автор – В.А. Смирнова, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Она отмечает, что довольно популярным в России сейчас оказался нарратив эффективного преодоления эпидемий в советское время. Сторонники государственного патернализма заявляют, что в СССР уверенно побеждались все эпидемии благодаря выделяемым на это ресурсам, системной и жесткой политике. Однако их оппоненты, напротив, обращают внимание на проявившиеся изъяны бюрократической системы – в частности, формализм, закрытость информации и порожденная ею нервозность, вызвавшая самые невероятные слухи. Историческая память, делает вывод автор, нуждается в осмыслении ее обусловленности региональной идентичностью в культурном, климатическом и ландшафтном измерениях, а также с точки зрения местного производства, родовых отношений.

К последнему выводу можно добавить, конечно, и обусловленность интерпретаций истории политической идентичностью. Даже в тех «теориях заговора», которые появились сразу после начала пандемии, отчетливо проявились уже сложившиеся до этого ориентации. Так, люди, опасющиеся усиления экспансии Китая, восприняли версию о том, что вирус был выведен в Центре новых инфекционных заболеваний Уханьского института вирусологии. А противники «западного империализма», как и в советские времена, списали эту эпидемию на «происки из-за океана». Подтвердилась давно отмеченная закономерность: многие люди не склонны проверять достоверность информации, а склонны верить в то, что соответствует сложившейся у них картине мира. Подтвердилось и то, что закрытие границ в глобализованном мире уже не спасает от новых угроз. Пандемия напомнила: человечество сможет выжить, если наряду с национальными интересами будут соблюдаться и общие условия выживания всех людей, рода *homo sapiens*.

Постколониальные идентичности и «проработка прошлого»

Еще одна ставшая актуальной в последнее время тема – коллективная память о колониализме и использовании африканских рабов. Частный случай (гибель 25 мая 2020 г. в Миннеаполисе афроамериканца, задержанного полицейскими за использование фальшивой купюры) неожиданно привел к мощной волне протестов и погромов, к сносу памятников и публичным покаяниям за то, что происходило задолго до рождения кающихся. Этот выплеск эмоций явно свидетельствует о незаживающей «травме» и о том, что расовая идентичность, вопреки всем цивилизованным нормам и законам, может подталкивать ее носителей к идее «коллективной ответственности» людей иной расы. О том, как в разных странах пытаются решать такие проблемы, говорилось в нескольких докладах.

Осмысление колониализма в постколониальном мире и эволюция национальной идентичности в бывших метрополиях рассмотрены в докладе «Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики». Его авторы – Е.И. Филиппова (доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) и В.Р. Филиппов (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН). По их мнению, политика памяти во Франции в этом отношении ситуативна и противоречива, что связано, по-видимому, и с разными подходами к национальной идентичности. Есть официальная, апологетически-патриотическая версия, которая со времен Шарля де Голля подкрепляла проводимую политику в отношении «Франсафрик», и есть критическая позиция некоторых гражданских активистов, рассматривающих колониализм как преступление против человечества, а африканскую политику Елисейского дворца – как особую форму неоколониализма (например, Франсуа-Ксавье Вершав и организация *Survie* – «Выживание»).

Взгляды на колониализм с «обратной стороны» анализируются в докладе «Музеефикация травматического прошлого в Южной Африке: конкуренция нарративов» (авторы – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева и доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН А.В. Митрофанова). Рассмотрены три

мемориала: Музей апартеида, музей Лилислиф Фарм и Мемориал африканерским первопроходцам. Репрезентации коллективной травмы и вооруженной борьбы выполняют, по мнению авторов, легитимирующую функцию, обосновывая права этнических и расовых групп на территорию и государственное строительство в условиях разделенного общества. При этом идея героической жертвы служит основой самоидентификации групп, выступающих субъектами национально-государственного строительства.

Целый ряд докладов посвящен теме осмысления опыта Британской империи. Оценки колониальной политики в работах историков Английской школы международных отношений освещены в докладе кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и теории международных отношений ОмГУ В.В. Миронова, защитившего недавно докторскую диссертацию по данной тематике [Миронов, 2019]. На фоне процесса деколонизации менялись оценки учеными роли колоний в «международном обществе», участниками которого теперь признаются все страны, а не только «цивилизованные». Благодаря гибкости оценок и апелляции к принципам справедливости британские ученые сумели со временем, по оценке автора, обеспечить большее доверие к своей науке со стороны ряда бывших колоний, чем те ученые, которые отрицали колониализм в истории и внешней политике своих стран. Своеобразная «проработка» темы колониализма привела к оценке его как закономерно завершенного процесса в ходе становления глобального международного общества XXI в.

Тема наследия Британской империи затронута и в докладах двух аспирантов кафедры ВИМО АлтГУ – Н.Ю. Самойлова и Г.З. Папашвили. Первый из авторов проанализировал «колониальный дискурс» в британских документальных фильмах и пришел к выводу, что Brexit обнажил расколотость британского общества в отношении имперского прошлого и идеи Global Britain. В рассмотренных фильмах не замалчиваются негативные страницы истории, однако зрителей подводят к выводу, что существование империи принесло пользу не только Великобритании, но и ее колониям. Второй докладчик коснулся близкой темы – британское влияние рассмотрено им как фактор формирования современной идентичности жителей Гонконга. Гонконгская идентичность не является продуктом простого смешения китайской и британской культурных традиций. Характерные для китайской традиции ме-

ханизмы самосохранения сыграли здесь роль своеобразных «фильтров», придавших заимствованиям национальную интерпретацию.

Своеобразным обобщением по данной теме стал доклад, который представила доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ Е.В. Хахалкина («Политика памяти ЕС в контексте осмысления процессов деколонизации и европейской идентичности»). В докладе сделан вывод, что в ряде европейских стран осмысление деколонизации не только не завершилось, но на идейно-политическом и институциональном уровне еще даже не начиналось. Автор считает, что следует продолжать диалог между разными сторонами о признании взаимной ответственности друг перед другом, с тем чтобы не допускать как спекуляций на теме колониального прошлого, так и деструктивных решений по миграционным и другим вопросам, наносящим ущерб идее «Единой Европы» и философии помощи и развития. Таким образом, еще раз подтверждается: феномен деколонизации действительно пока не стал достоянием прошлого.

Травма геноцида: идентичности «преступников» и «жертв»

Геноцид – еще одна сложная тема, тесно связанная с меморизацией травматического прошлого. Трактовки этой темы особенно часто оказываются продиктованными эмоциями или «политической целесообразностью», причем это относится не только к наиболее известному и масштабному историческому прецеденту (Холокосту), но и к другим драматическим событиям, история которых получает самые разные интерпретации.

Доклад на тему «Трианон, Хорти, Холокост: “спор историков” в контексте политики памяти в Венгрии» был представлен кандидатом исторических наук, доцентом кафедры ВИМО АлтГУ А.М. Бетмакаевым. Он анализирует дискуссию между венгерскими историками, состоявшуюся в 2012 г. на фоне попытки правительства Виктора Орбана сконструировать новый «большой нарратив» национальной истории. При этом, отмечает автор, если в общественно-политическом дискурсе ФРГ в результате дискуссии историков укрепилось представление о коллективной вине за нацистские преступления, то в Венгрии большинство граждан не

чувствуют, что они имеют какое-либо отношение к Холокосту. Характерно в этом отношении, например, такое суждение: без немецкой оккупации массовое убийство евреев в Венгрии не состоялось бы [Romsics, 2014, p. 1353].

По теме геноцида часто высказываются «крайние» позиции, от стремления «заклеймить» оппонента до попыток уйти от всякой ответственности. Уже многие десятилетия продолжаются споры о признании или непризнании геноцида армян в 1915 г. в Османской империи. Позиция армянской стороны представлена докладом магистратских международных отношений, соискателя Ереванского государственного университета Г.П. Григоряна. Согласно выводам автора, для дополнения коллективной идентичности армян в XX в. оказалась важной память о Великой Отечественной войне. Они прошли через ужасы геноцида и начали формировать идентичность жертвы, однако война «стала толчком для преодоления комплекса жертвы и нахождения сил для борьбы, во имя выживания и против дискриминации». Сегодня, считает автор, в условиях нерешенности карабахского конфликта и прямой вовлеченности Азербайджана и Турции в антиармянскую политику в Армении распространено восприятие политики Турции в качестве прямой наследницы политики Османской империи.

Следуя принципу «*audiatur et altera pars*», очевидно, стоит рассматривать аргументы и другой стороны, не признающей факт геноцида. Эта тема освещена в докладе «Позиция Турции в отношении признания геноцида армян» (авторы – студентка кафедры ВИМО АлтГУ С.Д. Кленова и доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ВИМО АлтГУ Ю.Г. Чернышов). На основе данных социологических опросов и оценок экспертов в статье анализируется восприятие геноцида армян в турецком обществе, рассматриваются аргументы турецкой стороны в поддержку отрицания геноцида и методы продвижения данной позиции на международной арене. Отмечен целый ряд факторов, повлиявших на формирование позиции Турции в данном вопросе (сложившаяся идентичность, нежелание нести ответственность, проводимая политика по отношению к национальным меньшинствам и т.д.).

* * *

Итак, в целом по итогам дискуссии можно констатировать, что особенности национальных вариантов политики памяти в значительной степени зависят от сложившихся в том или ином социуме идентичностей. Однако политика памяти формируется под влиянием еще многих других факторов, причем иногда она и сама активно формирует идентичности. Так, например, можно заметить, что некоторые политические режимы в очень малой степени склонны признавать реальные ошибки и преступления прошлого (будь то события, связанные с эпидемиями, с колониализмом, с репрессиями или геноцидом). За этим стоят опасения правящих элит, что такие признания могут «подорвать веру» в них и бросить тень на проводимую ими политику. Как правило, идентичность «кающихся в преступлениях прошлого» импонирует им гораздо меньше, чем идентичность «победителей», которые «всегда правы». Соответственно выстраивается и «политика памяти», направленная на воспевание побед и замалчивание темных, неудобных страниц истории (а такие страницы есть, конечно, в истории любого государства). В итоге замалчивание приводит к тому, что травматические переживания лишь загоняются вглубь общественного сознания, откуда они могут потом с разрушительной силой вырваться при любой кризисной ситуации. И напротив, в тех обществах, где допускается плюрализм мнений, где каждая социальная группа имеет возможность вынести на публичное обсуждение свое видение «исторической правды», происходит постепенное «переживание» острых травм и оставление их в прошлом. Гибкая, умная и ответственная политика памяти снижает вероятность повторения трагедий прошлого, повышает возможности для стабильного развития в будущем.

Список литературы

- Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
- Давидсон А.Б., Филатов И.И.* Исторические пласты афроцентризма // *RaхAfrica*na: континент и диаспора в поисках себя. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – С. 6–40.
- Джонсон Дж., Малинова О.Ю.* Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого

- в постсоветской России // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15–41. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Дневник Алтайской школы политических исследований. № 35. Сентябрь 2019 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (политика памяти и формирование международного имиджа страны): сб. ст. / редколлегия: Ю.Г. Чернышов (отв. ред.) [и др.]. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – 226 с.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 25–39. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.04>
- Ефременко Д.В.* Политика памяти и ее роль в формировании европейской идентичности // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сб. ст. / под ред. Е.В. Викторовой. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 67–74.
- Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И.* Политика памяти и историческая наука // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128–140. – DOI: <https://doi.org/10.31857/s086956870001569-6>
- Зевако Ю.В.* Российская идентичность, политика памяти и «эпоха политических репрессий»: к постановке проблемы // Вопросы всеобщей истории. – 2019. – № 22. – С. 272–281.
- Иенатович Е.А.* Историческая политика как политика памяти и проблемы идентичности в современной Испании // Российский журнал исследований национализма. – 2019. – № 1/2. – С. 123–129.
- Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г.* Проблемы национальной и региональной идентичности: Алтайская школа политических исследований // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 172–195.
- Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
- Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко – М.; СПб: Нестор История, 2018. – 224 с.
- Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. – 2016. – № 1. – С. 111–121. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121>
- Мионов В.В.* Английская школа международных отношений: формирование и эволюция научного сообщества: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Томск: [б. и.], 2019. – 42 с.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле // История и историки в прошлом и настоящем. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 5–22.

- Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 18–32.
- Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 65–76. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
- Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 135–143. – DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/407/21>
- Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 3. – С. 51–59.
- Тотов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции – М.: Ваш формат, 2017. – 184 с.
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бой за историю» // Современная Европа. – 2017. – № 6 (78). – С. 132–143.
- Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – London; N.Y.: Verso, 2006. – 240 p.
- Cookley J. Mobilizing the past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – Vol. 10, N 4. – P. 531–560. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>
- Erikson E. Identity: youth and crisis. – N.Y.: W.W. Norton & Co, 1968. – 336 p.
- Forest B., Johnson J., Till K. Post totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia // Social & cultural geography. – 2004. – Vol. 5, N 3. – P. 357–380. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Hartman G., Assmann A. Die Zukunft der Erinnerung und der Holocaust. – Constance: Konstanz University Press, 2012. – 143 S.
- Hobsbaum E. Inventing traditions // The invention of tradition / E. Hobsbaum, R. Terence (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 1–14. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>
- Mälksoo M. The memory politics of becoming European: the East European subalterns and the collective memory of Europe // European journal of international relations. – 2009. – Vol. 15, N 4. – P. 653–680. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066109345049>
- Nijakowski L.M. Polska polityka pamięci: esej socjologiczny. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 270 s.
- The politics of memory in postwar Europe / R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu (eds). – Durham; NC; London: Duke University Press, 2006. – 366 p.
- Ranger T. The invention of tradition in colonial Africa // The invention of tradition / E. Hobsbaum, R. Terence (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 211–262. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636.006>
- Romsics I. A Numerus Clausustól a Holocaustsztig // Századok. – 2014. – N 6. – P. 1343–1354.
- Smith K.E. Mythmaking in the new Russia. Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. – 223 p.

Yu.G. Chernyshov*
Identities and national options
of politics of memory (to the results of discussion)

Abstract. The article summarizes the main results of a recent discussion on the relationship between national identities and national variants of the politics of memory in relation to global historical events of the 20 th century. This discussion took place from April 1 to June 30, 2020 as part of the annual Internet conference of the Altai School of Political Studies. The introduction to the article provides a brief overview of the main directions of already existing research on this topic in Russian and foreign literature. The content of the 30 reports submitted to the Internet conference is characterized, in which the comprehension of events that have left a deep imprint on the public consciousness (world wars, revolutions, the collapse of empires and multinational states, processes of decolonization, Cold War, etc.) is considered. For a specific analysis, the reports are selected that are closest to the chosen topic. They are divided into three semantic blocks: 1) Identities and comprehension of the past in the context of a pandemic; 2) Postcolonial identities and working through the past; 3) The trauma of genocide: the identities of “perpetrators” and “victims”. The analysis shows that the comprehension and historical assimilation of a number of events is still far from complete. In many countries, the “politics of memory” in relation to the most important historical events and symbols is used in the construction of national identities, in the legitimization of the most important steps in domestic and foreign policy. On the other hand, the formed national identity can significantly influence the memory policy pursued in the country. Therefore, further comparative study of the variants of “memory politics” used in the world, associated with the formation of identities, is an urgent scientific task.

Keywords: politics of memory; national identity; collective memory; interpretations of history; history politics; genocide; colonialism; pandemic; traumatic past.

For citation: Chernyshov Yu.G. Identities and national options of politics of memory (to the results of discussion). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 111–127. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.06>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; N.Y.: Verso, 2006, 240 p.
- Bordugov G.A. *“Wars of memory” in the post-Soviet space*. Moscow: AIRO-XXI, 2011, 256 p. (In Russ.)
- Coakley J. Mobilizing the past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2007, Vol. 10, N 4, P. 531–560. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>

* **Chernyshov Yury**, Altai state university; Altai school of political studies (Barnaul, Russia), e-mail: ashpi@ya.ru

- Davidson A.B., Filatov I.I. Historical layers of Afrocentrism. In: *PaxAfricana: continent and diaspora in search of themselves*. Moscow: SU-HSE, 2009, P. 6–40. (In Russ.)
- Diary of the Altai school of political studies. № 35. September 2019. Modern Russia and the world: alternatives of development (politics of memory and the formation of the country's international image): a collection of scientific articles*. Barnaul: Publishing house of Altai state university, 2019, 226 p. (In Russ.)
- Efremenko D.V. The politics of memory and its role in the formation of European identity. In: Viktorova E.V. (ed.). *Formation of modern European identity in the framework of EU integration: social and cultural dimensions: collection of scientific articles*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2018, P. 67–74. (In Russ.)
- Efremenko D.V., Malinova O. Yu., Miller A.I. Politics of memory and historical science. *Russian History*. 2018, N 5, P. 128–140. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086956870001569-6> (In Russ.)
- Erikson E. *Identity: youth and crisis*. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1968, 336 p.
- Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. Soviet past in value, image and symbolic space of Russian identity. *Polis. Political Studies*. 2016, N 3, P. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.04> (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Problematic European identity of Moldova: “battles for history”. *Contemporary Europe*. 2017, N 6 (78), P. 132–143. (In Russ.)
- Forest B., Johnson J., Till K. Post-totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia. *Social & cultural geography*. 2004, Vol. 5, N 3, P. 357–380. DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Hartman G., Assmann A. *The future of memory and the Holocaust*. Konstanz: Konstanz university press, 2012, 143 p. (In Germ.)
- Hobsbaum E. Inventing traditions. In: Hobsbaum E., Terence R. (eds). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>
- Ignatovich E.A. Historical politics as a politics of memory and problems of identity in modern Spain. *Russian journal of nationalism research*. 2019, N 1–2, P. 123–129. (In Russ.)
- Johnson J., Malinova O. Yu. Symbolic politics in political science and Russian studies: research on the political uses of the past in post-soviet Russia. *Political Science (RU)*. 2020, N 2, P. 15–41. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russ.)
- Koposov N.E. *Memory of a strict regime. History and politics in Russia*. Moscow: NLO, 2011, 320 p. (In Russ.)
- Kozulin V.N., Tchernyshov Yu.G. Problems of national and regional identity: Altai school of political studies. *PolitBook*. 2014, N 1, P. 172–195. (In Russ.)
- Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds). *The politics of memory in postwar Europe*. Durham; NC; London: Duke university press, 2006, 366 p.
- Malinova O. Yu. *The actual past: Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity*. Moscow: Political encyclopedia, 2015, 207 p. (In Russ.)
- Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe. *European journal of international relations*. 2009, Vol. 15, N 4, P. 653–680. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066109345049>

- Miller A.I., Efremenko D.V. (eds). *Methodological issues of studying the politics of memory*: Collection of scientific works. Moscow; Saint Petersburg: Nestor history, 2018, 224 p. (In Russ.)
- Miller A.I., Efremenko D.V. (eds). *The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe: actors, institutions, narratives*. Saint Petersburg: Publishing house of the European university at Saint Petersburg, 2020, 632 p. (In Russ.)
- Miller A.I. Politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politeia*. 2016, N 1, P. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121> (In Russ.)
- Mironov V.V. *The English school of international relations: formation and evolution of the scientific community*: thesis abstract for the degree of Doctor of historical sciences. Tomsk, 2019, 42 p. (In Russ.)
- Nijkowski L.M. *Polish policy of memory: a sociological essay*. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008, 270 p. (In Polish)
- Ranger T. The invention of tradition in colonial Africa. In: Hobsbaum E., Terence R. (eds). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, P. 211–262. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636.006>
- Repina L.P. Historical science in the subject field. In: *History and historians in the past and present*. Moscow: Institute of general history of the RAS, 2013, P. 5–22. (In Russ.)
- Romsics I. From Numerus Clausus to the Holocaust. *Századok*. 2014, N 6, P. 1343–1354. (In Hungarian)
- Semenenko I.S. History on the frontline of identity politics. *World economy and international relations*. 2018, Vol. 62, N 11, P. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76> (In Russ.)
- Semenenko I.S. The category of identity in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities. In: Semenenko I.S. (ed). *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition. Moscow: Ves Mir, 2017, P. 18–32. (In Russ.)
- Smith K.E. *Mythmaking in the new Russia. Politics and memory during the Yeltsin era*. Ithaca; London: Cornell university press, 2002, 223 p.
- Syrov V.N., Linchenko A.A., Golovashina O.V. The politics of memory in the theoretical and methodological reflection: the experience of foreign studies. *Tomsk State University Journal*. 2016, N 407, P. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/407/21> (In Russ.)
- Timofeev I.N. Russian political identity through the prism of history interpretation. *MGIMO Review of international relations*. 2010, № 3, P. 51–59. (In Russ.)
- Titov V.V. *Politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow: Vash format, 2017, 184 p. (In Russ.)
- Zevako Yu.V. The Russian identity, politics of memory and the “era of political repression”: to the problemstatement. *Questions of general history*. 2019, N 22, P. 272–281. (In Russ.)